

DOI: 10.15372/HSS20190407
УДК 94(47+57)"1920/1935"

Л.С. ЦУБИКОВА

ПРИЗНАКИ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛАЦКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ангарский государственный технический университет,
РФ, 665835, Иркутская область, г. Ангарск, ул. Чайковского, д. 60

В статье рассматриваются методики выделения различных социальных групп на селе, процесс их трансформации (особенно «кулацкой») в 1920 – начале 1930-х гг. На основе анализа архивных источников автор делает вывод, что до конца 1920-х гг. формирование критериев выделения отдельных социальных групп – «батраки», «бедняки», «середняки» и «кулаки» – лежало по большей части на губернских, окружных и местных органах власти, а также на отдельных организациях, которые закладывали разные методики их выделения (дополняя их такой группой, как «зажиточные», либо заменяя ею «кулацкую»). Постепенно правительство добивается более четкой дифференциации населения, упраздняя переходные состояния, и в конечном итоге отказывается от такой группы, как «зажиточные», «крепкие середняки». В конце 1920-х гг. критерии кулацких хозяйств начинают устанавливаться «сверху» центральной властью и включаться в нормативно-правовую базу.

Ключевые слова: кулак, зажиточный крестьянин, крестьянские хозяйства, аграрная политика, Восточная Сибирь, социальная дифференциация.

L.S. TSUBIKOVA

THE CRITERIA OF DEFINITION KULAK FARMS IN THE 1920S – EARLY 1930S. IN EASTERN SIBERIA

Angarsk State Technical University,
60, Tchaikovsky str., Angarsk,
Irkutsk region, 665835, Russian Federation

The article discusses the methods of defining various social groups in rural areas, the process of their transformation in the 1920s – early 1930s with the emphases on the groups of “kulaks”. Their interpretation in the historical literature is ambiguous, which is related to different attitudes and understanding by the authorities and population of that time, the absence of clear criteria to define them, their periodic revision.

Based on the analysis of the archival sources, the author comes to conclusion that by the end of the 1920s the criteria for defining individual social groups (“farmhand”, “pauper”, “medium peasant”, “substantial farmer”, “kulak”) were developed mainly by the provincial, district and local authorities, individual organizations, which had different approaches to their revealing. The studied methods of the peasantry differentiation allowed paying attention to some points: first, the allowable property norms (livestock, land) for the same social groups were different; secondly, the majority of them separated kulak farms from well-to-do ones, and according to the logic of their definition, the labor farms were well-to-do, and kulak farms were those who lived on unearned incomes and used labor exploitation.

In the late 1920s the criteria for kulak farms started to be established by “higher-ups”, the central government, and were included in the legal regulatory framework permitting to change them taking into account local peculiarities.

The kulak features were periodically corrected, detailed, adjusting to the goals and objectives of the state. Gradually, the government obtained clearer differentiation of population, eliminating the transitional status that allowed peasants to belong to two groups at once, and ultimately refused such groups as “substantial farmer” and “strong medium peasant”.

Key words: kulak, substantial farmer, peasant farms, agrarian policy, East Siberia, social differentiation.

Проблема определения содержания сельских социальных категорий в 1920–1930-х гг., таких как «кулаки», «середняки», «бедняки» и «батраки», является

одной из актуальных среди исследователей. Не раз ученые подвергали сомнению их трактовку [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Особенно остро поднимались вопросы о том,

Любовь Сергеевна Цубикова – канд. ист. наук, доцент, Ангарский государственный технический университет, e-mail: lkor11@mail.ru.
Lubov S. Tsubikova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Angarsk State Technical University.

насколько равнозначны и преемственны понятия послереволюционный «кулак» и кулак дореволюционный, «кулак» и «зажиточный», являются ли они синонимичными или представляют собой самостоятельные категории, по своему положению «середняк» ближе к «кулаку» или «бедняку» и т.п. Трудности с выделением отдельных социальных групп связаны с разным отношением к ним со стороны власти и со стороны самого населения, а также с отсутствием четких критериев для их определения. Особенно остро это касалось «кулачества». Так, одни ученые, например, В.П. Данилов и С.А. Красильников, считают, что кулаки после революции «представляли собой формирующийся внутри крестьянства слой сельской буржуазии» [9, с. 7]. Г.Ф. Доброноженко, напротив, отмечает, что кулаки в послереволюционный период – это не социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам [10, с. 92]. В.А. Ильиных определяет кулаков как «социально-имущественную группу, базовым критерием причисления к которой являлись способы достижения их самостоятельности», «обсуждавшиеся сельским обществом или государством» [11, с. 222]. Другие рассматривают кулаков как «богатых крестьян, эксплуатировавших своих односельчан», по их мнению, кулаки были как социальная группа уничтожены еще в период Гражданской войны. [12, с. 95]. Р. Конквест пишет, что термин «кулак» в конце 1920-х гг. «едва ли можно было применять для обозначения класса как экономической категории». Причину этого он видит главным образом в их обеднении после революции [13, с. 139].

Некоторые авторы обращают внимание на «гибкость», «непостоянство», подвижность социальных групп внутри крестьянства. К примеру, Н.Я. Гуцин отмечал высокую зависимость этих групп от внешних условий и возможность перехода кулаков в середняки и наоборот [14, с. 35–39]. О том, что количественный состав этой группы мог расширяться при решении государственных задач, пишет В.А. Ильиных: «в условиях коллективизации к данной категории мог быть отнесен любой политически неблагонадежный с точки зрения властей сельский житель или переехавший из деревни горожанин» [11, с. 222, 223].

Таким образом, мы видим неоднозначность, противоречивость точек зрения в исторической науке на содержание определения «кулака».

В данной статье нами поставлена задача: рассмотреть критерии выделения различных социальных групп, особенно «кулацкой», на селе, процесс их трансформации в 1920 – начале 1930-х гг.

С установлением советской власти происходит трансформация социальной структуры села. Сложившиеся еще до революции такие группы, как кулаки, середняки, зажиточные, бедняки, батраки, а также проживавшие на селе торговцы, ростовщики, священнослужители, зачастую совмещавшие свою деятельность с сельским хозяйством, и другие перегруппировываются государством в два слоя, по принципу «свой–чужой»:

«прогосударственный» – бедняки, батраки, середняки (несмотря на «промежуточность» положения последних, в целом политика советской власти была обозначена как отношения, выстраиваемые в рамках «полного мира и согласия», «союза») и «антагонистический» – кулаки, торговцы, священнослужители и другие, под единым названием «кулачество». В дальнейшем на базе первого слоя, по большей части из существующих групп, было сформировано колхозное крестьянство, которое и стало основным на селе. Данные процессы «трансформации» активно проводились в 1920–1930-е гг.

Первое десятилетие большевистской власти являлось сложным для крестьянства, в плане возможности социальной адаптации, что было связано и с частой сменой экономических курсов: военный коммунизм, новая экономическая политика, коллективизация. В период Гражданской войны дореволюционные кулаки в основной своей массе были «раскулачены», причем не только в результате внутреннего военного противостояния, но и вследствие хозяйственной разрухи страны. Многие крепкие крестьянские хозяйства второй половины 1920-х гг. появились благодаря экономическим мероприятиям в первой половине 1920-х гг. Не зря в 1930 г., при выявлении кулаков на одном из собраний, один из членов ВКП(б) заявил: «Если мы кулаков всех причешем одной гребенкой, будет неверно, потому что у нас есть разные кулаки, есть старый и новорожденный. Старый кулак – это рожденный и воспитанный на кулацком молоке и на чужом труде, а новорожденный кулак – советский кулак, который подчас является выходцем из трудовой семьи, даже из батраков и из-за своей темноты стал кулаком»¹. Конечно, поднятие хозяйства до уровня кулацкого, с хозяйственной точки зрения, носило единичные случаи, но доведение его до состояния середняцкого было на тот момент времени вполне реальным.

За годы нэпа появились условия для восстановления сельского хозяйства в Советском государстве, в том числе в Восточной Сибири, в направлении расширения посевной площади, оснащенности хозяйств и дворов сельскохозяйственной техникой, увеличения инвентаря и скота и др. Как результат, произошел рост имущих групп. Например, в Иркутской губернии статистические данные фиксировали увеличение зажиточных групп с 7,3 % в 1922 г. до 8,36 % в 1924 г. и середняцких – с 44,1 до 51,44 %². В 1927 г. по Иркутскому округу отмечался дальнейший рост середняков – до 65 %, но при этом количество кулаков снизилось до 5 %; по Восточной Сибири – 59,4 и 4,5 % соответственно³.

Кто такой «кулак» в 1920–1930-е гг.? Этот вопрос звучал так: кто враг, «чужой» для Советского государства? Определиться с ответом на него было важ-

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 123. Оп. 2. Д. 50. Л. 149.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 313.

³ Там же. Д. 1336. Л. 376.

но, с одной стороны, для новой власти, поскольку ей нужно было с учетом идеологических рамок реформ сформировать правовое поле и обозначить статусы, отделить кулака от всего крестьянства; а с другой стороны, для всего крестьянства – требовалось выяснить возможности легального перехода из одной группы в другую, занять «комфортное» статусное положение в новом государстве с целью использования социальных преференций (например, пониженные ставки налогообложения, пользование средствами фонда кредитования бедняков и батраков, получение бесплатного образования и т.п.).

До 1929 г. формирование критериев выделения отдельных социальных групп – «батраки», «бедняки», «середняки» и «кулаки» – лежало по большей части на губернских, окружных и местных органах власти и даже на отдельных организациях. Интересно, что они закладывали разные методики их выделения.

Так, согласно представленному докладу ОГПУ от 1925 г., критериями дифференциации крестьянства были: для батраков – полное отсутствие посева, лошадей, коров, для бедняков – наличие посева до 2 дес., одной коровы и одной лошади, для середняков – наличие посева от 2 до 6 дес., двух–трех лошадей и столько же коров; для зажиточных – свыше 6 дес. посева, более трех лошадей и коров. По этим критериям в 1924 г. в иркутской деревне состояло батраков – 6 %, бедняков – 34,2, середняков – 51,44, зажиточных – 8,36 %⁴. Таким образом, в определение социальной структуры был заложен исключительно имущественный критерий – наличие посева, лошадей и коров; количество выделенных групп было исчерпывающим, а «кулаки» в этой классификации вообще не упомянуты.

В 1926 г. председатель Иркутского районного крестьянского комитета в своем отчете указывал, что использовал в практике следующее деление:

– бедняк – имеет одну лошадь, одну корову, четырех едоков, до 3 дес. земли, побочного заработка нет; или имеет одну лошадь, коровы нет. Если же он имеет две лошади, одну корову, 5 дес. земли, восемь едоков, побочного заработка нет – «этот бедняк будет между середняком и бедняком, но ближе к группе бедняков»;

– середняк – имеет две или три лошади и столько же коров, до 8 дес. земли, не имеет побочного заработка, семья состоит из шести–восьми едоков; если же в таком хозяйстве имеются сельскохозяйственные машины и побочный заработок, то оно будет зажиточным;

– кулак – имеет несколько сельскохозяйственных машин, наемную рабочую силу или занимается подрядом, «торгует лавкой»⁵. При такой градации учитывалось количество едоков, к дополнительным источникам дохода относилось использование наемной силы.

Приведем еще один пример методики распределения крестьян по социальным группам, используемой одним из кредитных товариществ в 1926 г. К бедняку

относится крестьянин, имеющий одну лошадь, одну корову, от 1 до 4 дес. пахотной земли или две лошади и одну корову, или одну лошадь, две коровы, при условии, что в данном хозяйстве отсутствуют подсобные заработки и другие источники дохода. К середняцкому относится хозяйство, имеющее от двух до четырех лошадей, от двух до семи коров, от 2 до 12 дес. пахотной земли, при отсутствии подсобных работников и найма работников. В зажиточном хозяйстве – более шести лошадей, более 10 коров и до 20 дес. пахотной земли, при условии отсутствия эксплуатации наемного труда. К кулацким хозяйствам отнесены торговцы, а также «эксплуатирующие население машинами и кредитами с целью закабаления», «лишенные права голоса подрядчики и спекулянты», эксплуатирующие наемный труд⁶.

Иркутский сельский районный комитет (Ирсельрайком) в 1926 г. сообщал, что при определении социальных групп он использует следующие критерии:

– для бедняцкого хозяйства – должно в распоряжении находиться до 2 дес. пашни, по одной лошади и корове; при этом использование наемного труда исключено, напротив, крестьянин вынужден работать на побочных заработках с целью поддержания своего хозяйства; обычно семья состоит из пяти–шести человек, из них трудоспособны – двое–трое;

– для середняцкого хозяйства – до 5 дес. пахотной земли, две лошади и две–три коровы; хозяйство живет на доход, получаемый личным трудом от земли, скота, побочных заработков (типа извоза) без привлечения постоянных наемных работников, в сезон может использовать труд одного работника; в семье двое–трое трудоспособных;

– для зажиточного хозяйства предусматривалось до 12 дес. посева, три–четыре лошади, три–пять голов рогатого скота; хозяйство живет на доход от земли, скота, на специальный доход – от пчеловодства, охоты; имеет наемных работников, но не более двух постоянных, при этом сам хозяин должен работать наравне с ними; обрабатывает свою землю машинным способом (но без эксплуатации этими машинами населения); в хозяйстве трое–четверо трудоспособных.

– для кулацкого хозяйства использовались все критерии, выходящие за пределы трудовых признаков: применение наемных постоянных работников (один–два человека) и временных; занятие торговлей, подрядом, наличие мельницы, крупорушки и других сельскохозяйственных машин с целью эксплуатации населения⁷.

Таким образом, приведенные способы дифференциации крестьянства позволяют обратить внимание на несколько моментов: во-первых, допустимые нормы имущества (скот, земля) варьировались, при этом нужно отметить, что данные методики были действующие – по ним выдавались кредиты, предоставлялись льготы, дополнительные участки земли и т.д.;

⁴ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2201. Л. 313.

⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 40.

⁶ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

⁷ Там же. Л. 38–38 об.

во-вторых, большинство из них отделяют кулацкое хозяйство от зажиточного, и согласно логике их определения, к зажиточным хозяйствам относят трудовые, а к кулацким – живущие на нетрудовые доходы и использующие эксплуатацию труда.

По последней градации, представленной сельрайкомом, было проанализировано в 1926 г. 19 сельсоветов Иркутского района – это 4311 хозяйств. Примечательно, что из всей этой массы только два хозяйства были определены как кулацкие (2236 – бедняцкие, 1766 – середняцкие, 307 – зажиточные)⁸.

К 1928 г. в архивных документах отмечается тенденция приведения к единообразию признаков кулацких хозяйств. Первыми их стали озвучивать руководители округов. Так, секретарь Канского окружного комитета в своем докладе, посвященном расслоению деревни, назвал следующие признаки «кулака»:

- 1) торговля или промышленность с наймом;
- 2) наем рабочей силы свыше 50 дней в год или отработка за сельскохозяйственные машины, хлеб и т.п. – свыше 25 дней; за исключением хозяйств со средствами производства стоимостью до 500 руб., без наличия сложного инвентаря, без мужских рабочих рук в хозяйстве и при найме няnek или при вынужденных обстоятельствах;
- 3) наем свыше 50 дней, при эксплуатации сельскохозяйственных машин при посеве 8 дес. или наличии средств производства свыше 1000 руб.;
- 4) доход от сдачи сельскохозяйственного инвентаря, молотилок, жнеек, сеялок, сенокосилок и лошадей свыше 75 руб. и при наличии средств производства свыше 1000 руб. или доход при найме рабочих рук свыше 75 руб. при наличии средств производства стоимостью свыше 500 руб.;
- 5) ростовщичество;
- 6) наличие средств производства стоимостью свыше 2500 руб.⁹.

Тем не менее проблема с определением социального статуса существовала. Она была связана с «несовершенством» выделяемых признаков кулака. Так, жительница с. Усть-Кут Т.З. Жукова, сдавшая в аренду свой дом в 1929 г. за 360 руб., согласно нормативным правилам механически была отнесена к кулацкому хозяйству как имеющая «высокий нетрудовой доход». Но в дальнейшем выяснилось, что она проживала одна с двумя детьми-калеками в прирубе сдаваемого дома¹⁰. Спорным являлся и критерий найма рабочей силы, к нему часто прибегали лица, занимавшиеся партийной и общественной работой, те, кто был выдвинут на руководящие должности, к примеру, председатели сельсоветов, которые чаще всего являлись бедняками и середняками. Аренда и сдача земли тоже являлась не идеальным критерием для отнесения хозяйства

к кулацкому, отчеты земельных управлений за 1926 и 1927 гг. отмечают, что она производилась всеми посевными группами¹¹.

В конце 1920-х гг. критерии кулацких хозяйств начинают устанавливаться «сверху» центральной властью и включаться в нормативно-правовую базу. Одними из первых документов стали постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.02.1929 г. «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» и постановление от 21.05.1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». Нужно отметить, что базовые критерии определения кулака ранее уже были зафиксированы в правовых документах, правда, они не соотносились с понятием «кулак» и прозвучали по политической линии в рамках лишения избирательных прав, главным образом в первых конституциях страны, инструкции ВЦИК от 11.08.1924 г. «О перевыборах советов», инструкции ВЦИК от 13.10.1925 г. и от 4.11.1926 г. «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» и др.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. выделило среди кулаков – «наиболее богатые кулацкие хозяйства» и «явно кулацкие». В 1929/30 окладном году по восточным округам Сибири было выявлено 10 977 «явно кулацких» хозяйств (1,88 % от общего числа хозяйств) из которых 5133 было обложено в индивидуальном порядке¹². То же постановление разрешало изменять краевым и губернским исполнительным комитетам признаки кулацких хозяйств, учитывая местные особенности. Например, по постановлению Иркутского окружного исполнительного комитета СРК и КД от 10 апреля 1930 г. № 32 к кулацким хозяйствам были отнесены единоличные хозяйства при наличии одного из следующих признаков:

- а) применяет наемный труд, сезонный или постоянный в таком объеме, который расширяет хозяйство за пределы трудового, в том числе использует наемный труд более одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах (болезнь, мобилизация, уход на трудовые сезонные заработки, избрание на общественную должность) или нанимает во время страдной поры более двух человек для уборки урожая на срок свыше 20 дней;
- б) имеет наряду с земледельческим хозяйством собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т.п.), в которых применяется постоянный или сезонный наемный труд;
- в) занимается наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла (барышники – прасолы).

г) закабаляет окружающее население путем систематического предоставления имеющихся у него сель-

⁸ ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 57. Л. 39.

⁹ Центр хранения исторической документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 428. Л. 6–6 об.

¹⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 33. Л. 239.

¹¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525. Л. 80. Д. 59. Л. 1.

¹² Там же. Д. 1294. Л. 31.

хозмашин, рабочего скота и прочего или постоянно занимается снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях;

д) является владельцем предприятий промышленного типа, предпринимателем или подрядчиком и эксплуатирует население путем раздачи тех или иных работ или домов;

е) сдает в наем постоянно или на сезон оборудованные постройки под жилье или под торговлю или промышленные предприятия, за исключением случаев, когда сдается квартира культурным общественным и советским работникам деревни;

ж) хозяйство в районах обложения отходничества и рыболовства является исключительно промышленным с признаками эксплуатации: скупка пушнины у охотников и рыбы у рыбаков с целью перепродажи, охота и рыболовство с наемной рабочей силой, выдача охотникам под пушнину и рыбакам под рыбу ссуд деньгами или натурой, снабжение охотников и рыбаков припасами и принадлежностями;

з) занимается специальным извозом и «ямщиной» с систематическим применением наемной силы;

и) имеет мощный сепаратор, на котором перерабатывает чужое молоко за плату деньгами или натурой;

к) занимается перегоном и пастьбой гуртов скота, принадлежащего государственным, кооперативным и частным лицам за свой риск с имущественной ответственностью и применением посторонней рабочей силы (подрядчики);

л) облагается промысловым налогом в процентах к обороту;

м) члены двора, живущие в своем хозяйстве, участвуют в качестве вкладчиков и совладельцев в частных и торговых и промышленных предприятиях и участвуют в прибыли;

н) занимается раздачей скупаемого сырья для обработки кустарям и ремесленникам с целью систематического сбыта продукции в виде полуфабрикатов или готовых изделий;

о) эксплуатирует наемный труд или имеет торговое или промышленное предприятие, постоянные дворы и другие источники нетрудовых доходов в 1928 г. (в том числе служители культов)¹³.

В последующие годы признаки выделения кулаков постоянно менялись, корректировались. Например, корректировались допустимые сроки найма работника во время страды: в марте 1930 г. – до 30 дней (из протокола заседания президиума Иркутского окружного исполнительного комитета от 21 марта 1930 г.)¹⁴, в апреле 1930 г. – до 20 дней (из вышеприведенного постановления Иркутского окружного исполнительного комитета СРК и КД от 10 апреля 1930 г. № 32)¹⁵, в 1931 г. – 40 дней (постановление президиума оргкомитета ВЦИК Восточно-Сибирского края от 3 января 1931 г.)¹⁶. Име-

ются и другие примеры: в 1930 г. хозяйства считались кулацкими, если они имели нетрудовые доходы свыше 125 руб., в 1931 г. – свыше 150 руб. при использовании промышленных предприятий, систематической сдачи в наем сельхозмашин с механическими двигателями, построек под жилье или свыше 200 руб. при содержании постоянных дворов¹⁷. В 1932 г. исключен признак «продажа сельскохозяйственных продуктов на частном рынке»; увеличена норма дохода от «сепаратора, используемого на стороне» до 250 руб.¹⁸ (в 1931 г. – 150 руб.¹⁹) и др.

Признаки кулаков обновлялись ежегодно, иногда чаще. В 1932 г. было принято сразу три распоряжения по Восточно-Сибирскому краю – в мае, августе и октябре²⁰. Можно предположить, что определенная доля крестьян находилась в состоянии стресса из-за постоянного ожидания, что их могли причислить к кулакам. И вместо того чтобы заниматься сельским хозяйством, крестьяне ходили и собирали документы, используя любую возможность избежать индивидуального обложения, раскулачивания, лишения избирательных прав, высылки.

«Положение о сельскохозяйственном налоге на 1933 г.» от 25 мая 1933 г. утвержденное ЦИК и СНК СССР, вводило дополнительный пункт, предусматривающий обязательное обложение в индивидуальном порядке хозяйств, «злостно не выполняющих заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств», что создавало условия для увеличения числа крестьян, подпадавших под категорию «кулак» [15, с. 16].

Таким образом, анализ архивных документов показывает, что государством изначально не были заданы четкие критерии по определению «кулачества», они выработывались на местах. Причем с каждым годом они корректировались, детализировались, подстраиваясь под цели и задачи государства. В целом социальное разделение крестьянства на отдельные группы («батраков», «бедняков», «середняков», «зажиточных», «кулаков») во второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. имело идеологическую направленность. Используя термин «кулак», существовавший еще до революции, государственная власть по мере решения новых задач (преодоление оппозиции на селе, проведение коллективизации, формирование материальной базы колхозов и др.) вкладывала в него дополнительные критерии и расширяла тем самым социальный состав за счет священнослужителей, офицеров белой и царской армии, крестьян, не желавших вступать в колхозы, не поддерживавших советскую власть, подкулачников, крестьян не имевших возможности заплатить налоги и др.

Постепенно правительство добилося более четкой дифференциации населения, упраздняя переход-

¹³ Там же.

¹⁴ Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования (АО АМР Усольского РМО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 631. Л. 41.

¹⁵ ГАИО. Ф. р-600. Оп. 1. Д. 5а. Л. 1, 3 об.

²⁰ АО АМР Усольского РМО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 631. Л. 41.

¹³ ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 357.

¹⁴ Там же. Л. 313, 314 об.

¹⁵ Там же. Л. 357.

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 275–277.

ные состояния, позволявшие крестьянам относиться сразу к двум группам. Власть в итоге отказалась от таких групп, как «зажиточные», «крепкие середняки», которые ранее выделяли практически все местные, губернские, окружные органы власти. Базовые критерии определения «кулака» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стали фиксироваться в постановлениях общесоюзного значения, при этом законодательство разрешало изменять, конкретизировать краевым и другим исполнительным комитетам признаки кулацких хозяйств, тем самым перекладывая на них ответственность при проведении раскулачивания, налогообложения и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурик Н.М. «Свои» и «чужие»: советская пресса 1920-х гг. о сибирском крестьянстве // Известия Алт. гос. ун-та. 2013. № 4–1 (80). С. 22–25.
2. Быстренко В.И. Наемный труд в сибирской деревне в 20-е гг. (партийно-государственная политика в отношении батрачества). Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. 286 с.
3. Доброноженко Г.Ф. Социальная группа «кулаки» как объект научного анализа // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2012. № 1 (9). С. 119–124.
4. Здыарский А. О некоторых сдвигах в составе батрачества // Вопросы труда. 1992. № 12. С. 81–85.
5. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–69.
6. Кузнецов И.С. Формирование «сталинизма» и менталитет сибирского крестьянина // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 46–56.
7. Юрина Т.В. К вопросу о самоидентификации жителей села в 1920-е годы (на примере Пензенской и Самарской губерний) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 128–130.
8. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной дифференциации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 174–207.
9. Данилов В.П., Красильников С.А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. док. Новосибирск: ВО Наука, 1992. 283 с.
10. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.
11. Ильиных В.А. Кулачество (кулаки) // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред В.А. Ламин. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 222–223.
12. Раков А.А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования п материалам архивов Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 94–100.
13. Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 137–160.
14. Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996 г. 159 с.
15. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: ИДМИ, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. 214 с.

REFERENCES

1. Burik N.M. "Ins" and "outs": Soviet press of 1920s about the Siberian peasantry. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4–1, pp. 22–25. (In Russ.)
2. Bystryenka V.I. Wage labor in the Siberian village in the 1920s (the party-state policy related to farm labourers). *Novosibirsk, NGAiU*, 1997, 286 p. (In Russ.)
3. Dobronozhenko G.F. Social group of "kulaks" as an object of scientific analysis. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2012, no. 1, pp. 119–124. (In Russ.)
4. Zdyarskiy A. On some changes in the farm labourers' composition. *Voprosy truda*, 1992, no. 12, pp. 81–85. (In Russ.)
5. Collectivization: origins, essence, consequences. The "round table" conversation. *Istoriya SSSR*, 1989, no. 3, pp. 3–69. (In Russ.)
6. Kuznetsov I.S. "Stalinism" formation and the Siberian peasant mentality. *Ural i Sibir' v stalinskoy politike*. Novosibirsk, 2002, pp. 46–56. (In Russ.)
7. Yurina T.V. On the problem of village inhabitants self-identifying in the 1920s (a case of Penza and Samara provinces). *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2010, no. 15, pp. 128–130. (In Russ.)
8. Fitzpatrick Sh. "Attributing to the class" as a system of social differentiation. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiiy period: antologiya*. Samara 2001, pp. 174–207. (In Russ.)
9. Danilov V.P., Krasil'nikov S.A. Instead of the preface. *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931: sbornik dokumentov*. Novosibirsk, 1992, 283 p. (In Russ.)
10. Dobronozhenko G.F. Methodology of the "kulaks" social group analysis in the national historiography. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 5, pp. 86–94. (In Russ.)
11. Il'yikh V.A. The kulaks. *Istoricheskaya entsyklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 2, pp. 222–223. (In Russ.)
12. Rakov A.A. Who is a "kulak"? (Experience of a regional study on archival materials of the Southern Urals). *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 5, pp. 94–100. (In Russ.)
13. Konkvest R. The harvest of sorrow. *Voprosy istorii*, 1990, no. 1, pp. 137–160. (In Russ.)
14. Gushchin N.Ya. Dispossession of "kulaks" in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences. Novosibirsk, 1996, 159 p. (In Russ.)
15. Il'yikh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.) The policy of «raskrestyanivaniye» in Siberia: collected documents. Novosibirsk, IDMI, 2000, iss. 2: Stages and methods of eliminating peasant farming, 1930–1940, 214 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.07.2019